

A young girl with blue eyes is the central figure, sitting on a dark wooden rocking horse. She is dressed in a white, textured knit headscarf and a light-colored, fuzzy jacket over a blue and white plaid dress. She holds a piece of white lace fabric. The scene is set in a snowy, rustic environment with a wooden spinning wheel to her left and a wooden door with snow on the log cabin behind her.

Нина Корякина

Сиротка

история одной девочки

Нина Корякина

Сиротка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30473302

SelfPub; 2018

Аннотация

Нина, деревенская девочка, особенно нуждалась в любви взрослых. Но в войну всем было не до нее. Так бы Нина и росла, как трава в поле, пока однажды судьба не свела девочку с ягненком-сиротой...

Нина чихнула. Глаза открывать не стала, и так знала, – это противная Танька тычет в нос сухой былинкой. Зарылась поглубже в лохмотья, когда-то бывшие добротным стеганым одеялом, и попыталась отвернуться. Но Танька ловкой овечкой запрыгнула на сестру. «Хорош вошкаться! Исть иди!» – защекотала в самое ухо. Нина и глазом не повела. Пришлось Таньке втянуть в себя побольше воздуха и заорать: «Щас вицу возьму!» И тогда Нина лишь в щелочку глаз, сквозь ресницы, впустила в себя серенькое, не нагретое еще весной, майское утро. Не то, чтобы она страшилась вицы или взаправду верила в Танькину угрозу, просто давно было пора вставать.

Изба наполнилась тишиной. Мать Гаша со старшими сестрами до свету ушли на колхозные поля. Младшие мирно посапывали на полатах. Танька побрела на колодец. Только сверчок-бездельник трещал за печкой. Наскоро одернув рубашонку, с трудом прикрывавшую тощий задик, Нина запрыгала к столу. Ходить она упорно не желала. Семь лет скоро, а степенности никакой. Не зря тату, нынче воевавший где-то под Ленинградом, называл любимую дочь пичугой. Их у таты было шестеро, дочерей, а вот Нину он выделял особо. Жалел, так говорил.

Наспех сунув в рот остывшую картошчину, Нина выска-

чила на крыльцо. Поежилась. Поутрянке в мае еще тянет от реки сквозняком. Эх, надо было хоть материну кацавейку накинуть. Доскакала до пустого хлева. Походя, приперла камешком скрипевшую на ветру дверь. Недавно сдохла последняя их кормилица – старая корова, и в хате стало совсем голодно. Нина забежала за хлев и сжала ноги. Стала справлять малую нужду, скуксившись от боли. По ногам потекли желтые ручейки, а она терпела, боясь заорать. Цыпки. Это все проклятые цыпки. Помочиться на них – первое лечение, хоть к доктору не ходи. Да и где ж его, доктора, в деревне брать...

Нина сунула в рот кулак. Хотелось зареветь. Искры сыпались из глаз от боли, как будто это старшая Марeya снова таскает ее за вечно нечесанные волосенки. Девочка вздохнула и, подражая Марее, забубнила: «Негоже деревенской девке фасониться!» Боль постепенно отпускала, и девочка вспомнила, что вчера на заливном лугу нашла целое гнездо полевок, да разорить его не успела. Сестры не дали. Они как раз возвращались с колхозной фермы, сердитые и голодные. Нина слишком уж залюбовалась норой и не услышала, как девки тихо подкрались сзади. Заорали на нее обе старшухи, дескать, шлындит Нинка целыми днями, где ни попадая. Ну и пускай, все равно она уже и камешек там положила, чтобы сегодня спокойно слепышат выудить. А вот интересно, если такого мыша в воду бросить, он поплывет? Да, сегодня у Ни-

ны точно будет особенный день.

Как ни крути, май на дворе. За ночь сестры надышат в избе, жарко, а высунешь нос – так и продерет тебя холодом, аж до самого сердца. Из рта еще валит пар и в тенечке лежит грязной кучей снег. Но к обеду солнце всю уж на небе домовничает. На лугу, там, где место открытое, сухо. Торчат седые останцы прошлогодней травы и, как сухие старухи, колют своими иголками-языками, а меж ними, гляди-ка, пробивает себе дорогу новая молодая поросль. Желтые кудряшки мать-и-мачехи, как знакомцы при встрече, кивают головками. Первоцвет этот и сам похож на май. С одного боку лист гладкий да прохладный, как майское утро. Другой бок – теплый и мягкий, как летнее сено.

К обеду без портков уже не так холодно. Вот она, долгожданная весенняя свобода. Можно убежать далеко-далеко от хаты, вверх по ручью, к непроходимой чаще, где черным-черно от воронья. Беги и кричи, как птица, маши себе руками. И никто слово супротив не скажет, никто не одернет. Черныши взлетают из-под ног и кружат вокруг, их сотни, а может, тысячи, кто ж считал... Это и страшно, и весело одновременно. А то можно пойти на поле и куляться, сколь душе угодно.

Нина любила кувыркаться. Раз привез из города тату го-

стинец маме – смешную трубку, по прозванию калейдоскоп. Вот и в нем картинка перед глазами менялась в одночасье, как на лугу – то сухая земля с молодыми травинками, нежными, как овечья шерсть, то – бездонное голубое небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.